

Е. В. Тарасова

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация

В статье анализируется экономический дискурс (ЭД) как особый тип дискурса, обслуживающий потребности экономической деятельности социумов, представляющих различные лингвокультуры. ЭД рассматривается как синергетическая функционально-адаптивная система, активно взаимодействующая с окружающей ее социокультурной средой. Анализируются подходы к изучению ЭД таких ученых, как М. Ю. Шевяков, А. С. Ахиезер и Н. Фэрклу. Приводятся примеры использования ЭД как *tertium comparationis* для сопоставления особенностей современного российского ЭД с его западноевропейскими аналогами, позволившего соотнести российские и западные ценности, имманентно присущие российской и западноевропейской экономической мысли. Утверждается, что наиболее фундаментальные различия в экономических дискурсах, сложившихся в сравниваемых сообществах и определяющие характер экономического сознания и поведения социума, так же как и используемых его членами коммуникативных стратегий, лежат в социокультурной плоскости.

Ключевые слова: экономический дискурс, синергетический подход, функционально-адаптивные системы, *tertium comparationis*.

ПРО НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ ЕКОНОМІЧНОГО ДИСКУРСУ

Анотація

У статті аналізується економічний дискурс (ЕД) як такий, що обслуговує потреби економічної діяльності соціумів, які належать до різних лінгвокультур. ЕД розглядається як синергетична функціонально-адаптивна система, що активно взаємодіє з оточуючим її середовищем. Аналізуються підходи до вивчення ЕД таких вчених, як М. Ю. Шевяков, А. С. Ахієзер та Н. Ферклу. Наводяться приклади використання ЕД як *tertium comparationis* для зіставлення особливостей сучасного російського ЕД з його західноєвропейськими аналогами, що дозволило співставити російські та західні цінності, іманентно притаманні російській та західноєвропейській економічній думці.

Стверджується, що найбільш фундаментальні розбіжності в економічних дискурсах, які склалися в спільнотах, що порівнюються, і які визначають характер економічного мислення і поведінки соціуму та комунікативних стратегій, якими користуються його члени, лежать в соціокультурній площині.

Ключові слова: економічний дискурс, синергетичний підхід, функціонально-адаптивні системи, tertium comparationis.

ON THE NATIONAL-CULTURAL FEATURES OF ECONOMIC DISCOURSE

Annotation

The article explicates the concept of “economic discourse” (ED) as a specific type of discourse which serves the communication needs of different ethnic and cultural communities engaged in economic activities. ED is viewed as a functionally adaptable synergistic system, which interacts actively with its socio-cultural environment. Different approaches to ED study, in particular, those adopted by such scholars as M. Yu. Shevyakov, A. S. Akhizezer and N. Fairclough, are discussed. Examples of using ED as tertium comparationis for contrasting contemporary Russian ED with its West-European counterparts are analyzed, which makes it possible to compare Russian and Western values inherently characteristic of the Russian and West-European economic thought. It is argued that the most fundamental differences in the ED developed in the cultures contrasted and determining the nature of their economic consciousness and behavior, as well as the communicative strategies used by their members, lie in the socio-cultural domain.

Key words: economic discourse, synergistic approach, functional-adaptive systems, tertium comparationis.

Цель настоящей статьи – рассмотрение экономического дискурса (далее – ЭД) как особого типа дискурса, используемого с целью раскрытия сущности различных аспектов экономической деятельности как отдельных индивидов, так и человеческих коллективов, в том числе социумов, представляющих различные этно- и лингвокультуры.

В определении Н. Арутюновой дискурс понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», в то время как речь рассматривается как «целенаправленное социальное

действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания» [2, с. 137].

Как известно, концептуальное пространство экономической деятельности и экономических отношений подвижно, изменчиво и находится в состоянии постоянного взаимодействия и неустойчивого равновесия с «окружающей средой». Экономическая система чутко реагирует на влияние поступающей извне информации, получаемой по разным каналам, а также изменяется в результате ее усвоения и переработки человеком. Это дает основание рассматривать ЭД как функционально-адаптивную синергетическую систему, лежащую в основе как поведенческих, так и мыслительных практик различных обществ [9].

Синергетический подход предписывает изучать всякий конкретный объект «в своем естественном окружении» [7; 9; 10 и др.]. Поэтому если исходить из положения, в соответствии с которым наиболее фундаментальные различия в экономических дискурсах, влияющие на характер экономического сознания этноса и используемые его членами коммуникативные стратегии, лежат в социокультурной плоскости, то перспективным и актуальным направлением исследования представляется сопоставительное изучение экономических дискурсов, сложившихся в различных лингвокультурах, в частности, англо-американских (Великобритания, США) и восточноевропейских (Украина, Россия). Подобное сопоставление позволит глубже проникнуть в особенности коллективного самосознания народа, его менталитета, национального характера, образа жизни, морали, системы ценностей, мироощущения, а также понять, чем определяется коммуникативная эффективность ЭД в экономической деятельности носителей сопоставляемых лингвокультур.

Вербализованной манифестацией дискурса является текст – «формальная завершенная структура, возникшая в результате коммуникативно-когнитивного процесса – дискурса» [6, с. 230]. Если исходить из этого, то конкретным материальным воплощением ЭД является *экономический текст*. Последний можно рассматривать как интегративную совокупность текстов, обращенных к экономической тематике, функционирующих в пределах коммуникативной сферы

экономики и обслуживающих потребности индивидов и социальных групп, связанных экономическими отношениями, т. е. профессионально или в силу других обстоятельств вовлеченных в экономическую деятельность.

Экономический текст создается для передачи информации, отражающей соответствующий фрагмент коллективной картины мира, сложившийся у данного социума и характеризующийся набором инвариантных текстообразующих параметров, отражающих сущностные характеристики ЭД в отличие от других типов дискурса.

Если согласиться с пониманием дискурса в целом как «апелляции к концептам» [8, с. 39], то ЭД логично представить как «апелляции к *экономическим* концептам». Фрагмент действительности, воплощенный в экономическом тексте, включает совокупность концептов, вербализируемых с помощью специального кода, т. е. особого «языка экономики». «Концепт – это форма коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [4, с. 70]. Более того, исследователи [1; 11; 13 и др.] утверждают, что в основе всякой экономической системы всегда лежит тот или иной дискурс со своей «оценивающей переменной», являющейся необходимой гуманитарной составляющей порожденного данной системой типа «экономического человека» [11].

Естественно ожидать, что одна и та же экономическая проблема может освещаться по-разному в зависимости от особенностей общественного самосознания народа, его менталитета, национального характера, образа жизни, традиций, обычаев, морали, системы ценностей и видения мира. Этнокультурные различия в способах освещения экономических проблем наверняка существуют, даже если сопоставить этнокультурные особенности британского и американского вариантов ЭД. Кроме того, при характеристике ЭД в любой лингвокультуре необходимо учитывать также направленность конкретных изданий, которые имеют свои предпочтительные способы подачи материала, ориентированные на определенные слои населения (target audience). Все это делает сопоставление ЭД в различных лингвокультурах увлекательным и перспективным направлением исследования.

Интересный межкультурный сопоставительный анализ экономических дискурсов, в которых реализуются западноевропейские и российские формы общественного сознания, был проведен М. Ю. Шевяковым [11]. Этот анализ позволил очень наглядно соотнести российские и западные ценности, определяющие многие фундаментальные черты экономических механизмов и социальных институтов, приемов и установок мышления, имманентно присущих российской и западноевропейской научной и экономической мысли. Рассматривая на конкретных примерах, почерпнутых из специальных экономических изданий и СМИ, понятия и выражения, которые являются неотъемлемыми составными частями дискурса, обслуживающего экономическую деятельность в современном ее понимании, Шевяков показал среди прочего, как западный ЭД отражает возрастание роли индивида на капиталистическом рынке, в то время как российский свидетельствует об усилении роли государственной бюрократии в регулировании экономической деятельности. Одни только клише типа «контролируемая рыночная экономика» или «управляемая демократия» говорят сами за себя.

Симптоматичным с точки зрения синергетического подхода представляется то, что понятие ЭД, используемого автором исследования в качестве *tertium comparationis*, интегрирует пять ключевых внешних факторов среды, которые в совокупности формируют ЭД социума, а именно, геополитического, климатического, аксиологического, идеологического и антропологического.

Геополитический фактор в российском ЭД связан с поисками нового места России в мировом сообществе и отражает то, как правительство в течение последних десятков лет пытается поддерживать международную роль РФ на приемлемом уровне. Соответствующие экономические теории срочно переориентируются в направлении стремительного перехода от либерального к консервативному и социал-демократическому вариантам дискурса в российской политико-экономической риторике: дискурс «все более явственно отражает доминанцию государственных идеологий, в частности, соответствующую трактовку понятия «патриотизм» в ментальных структурах и на уровне общественного сознания» [11, с. 7].

Российский тип экономического мышления и поведения, в том числе речевого, выводится автором также из *климатических и географических* условий русской равнины. Одним из определяющих факторов М. Ю. Шевяков считает, в частности, продолжительность цикла активных сельскохозяйственных работ на среднерусской равнине – регионе, где формировался русский этнос и закладывались его родовые черты. Для иллюстрации экономист приводит примеры русского ЭД, доказывающие озабоченность россиян тем, что делать с обширными и малопригодными для жизни территориями, бескрайними незаселенными просторами Севера и Сибири, требующими нерыночной, бюджетной поддержки. Соответствующий ЭД, считает ученый, ярко отражает эту озабоченность, так же как и типичные русско-советские «метания», нерешительность, нежелание брать на себя ответственность за принятие решения, результаты которого невозможно предугадать.

Аксиологический фактор, как показано в монографии М. Ю. Шевякова, тесно связан с предыдущими и отчетливо выражает оценочное измерение целей и путей экономического развития. При формировании аксиологического компонента ЭД важную роль, как считает автор, играет так называемый «национальный миф». Для России это всегда был миф о собственной исключительности, «особом пути» и «особой» духовности (подобным образом американцы свято верят в свою «американскую мечту», израильяне – в свою богоизбранность и т. п.). Корректная же постановка проблемы состоит в том, как оптимальная модальность и содержание национального мифа манифестируются в ЭД и как мифологические компоненты учитываются в национальной экономической политике.

Анализ ЭД, проделанный М. Ю. Шевяковым [12], А. С. Ахиезром [3] и другими российскими экономистами, показывает, что национальный миф весьма подвержен управляющему воздействию и что под влиянием такого воздействия происходит изменение как интенсивности мифа, так и некоторых компонентов его содержания. Для России на протяжении ряда столетий имплицитная цель состояла в расширении территории государства и обретении нового державного величия. Сегодня, когда российский мессианизм, одним из вариантов

которого была коммунистическая идея, исчерпал свою эффективность, общество нуждается в новой системе ценностей. Эта система ценностей, с одной стороны, не может носить сугубо утилитарный характер (западный рационализм и прагматизм среднему россиянину чужд), однако с другой стороны, она не должна быть чуждой «обывательским», так называемым «мещанским» целям и ценностям народа (свой угол, своя рубашка, свой кусок хлеба и т. п.).

И здесь, конечно же, начинает действовать *идеологический фактор*. Как компонент ЭД идеология представлена системой средств риторики, целенаправленно организованных и используемых для обоснования и закрепления в массовом сознании той или иной системы ценностей или идей, того или иного мифа. Известный экономист А. С. Ахиезер [3], например, ратует в своих работах за то, чтобы активизировать в качестве современной российской идеологии незаслуженно забытую идеологему Российского Дома. Для российского сознания, по его мнению, в большей степени, чем для западно-европейского, свойственна идея крепкого хозяйства в отличие от идеи здоровой состязательности – конкурентной основы рыночной экономики. Идея России как дома, у которого прочные стены, богатое подворье, полные закрома, может оказаться привлекательнее, убежден ученый, чем абстрактные и скомпрометировавшие себя рассуждения о ратных подвигах, непобедимости и величии, поэтому именно эту идеологему ученый и предлагает «активизировать» в ЭД.

Однако наиболее фундаментальные различия в национально-специфических экономических дискурсах, лежат, по мнению экономистов, глубже очевидных различий в геополитических и иных естественных условиях. Приоритетность в любом национальном ЭД принадлежит пятому – *антропологическому фактору*, под которым подразумевается прежде всего социокультурный аспект. Последний определяется культурной и социальной спецификой, налагаемой на индивида условиями конкретного общества. Анализируя эти условия применительно к России, М. Ю. Шевяков [12] напоминает, что историки, начиная с В. О. Ключевского, отмечали, что русскому работнику всегда приходилось обеспечивать себя средствами к существованию путем крайнего напряжения сил. Относительно

низкая плотность населения заставляла, в частности, использовать экстенсивные методы земледелия. В результате в русском работнике сформировался своеобразный «инстинкт освоения земель». Таким образом, сочетание социальных и природных причин сформировало российский тип работника, который устойчиво репродуцировался как в сельскохозяйственном, так и в промышленном производстве. Даже тогда, когда требования современного производства требуют методичного и планомерного выполнения определенных функций на протяжении большого промежутка времени, российский работник склонен создать себе безвыходную «ситуацию провала» и на фоне неприемлемых условий искать единственный выход. В результате в практике современного экономического дискурса возникло понятие (и соответственно, термин) «время перед завершением проекта». Это понятие – эквивалент знакомого нам явления «аврал», что доказывает, что сегодняшний российский ЭД по-прежнему четко отражает это типичное именно для российского типа работника стремление откладывать работу на завершающий период. Но с другой стороны, считает автор, эта способность к «ударному» труду, решению сложнейших проблем в кратчайшие сроки – черта, несомненно, позитивная, особенно на фоне тех национально-психологических качеств, которые в той или иной мере свойственны русскому национальному характеру и менталитету – самому «нерыночному» из всех возможных менталитетов.

Представляется, что в процессе обучения английскому ЭД на экономических и бизнес-факультетах украинских вузов было бы несомненно полезно уделять более пристальное внимание его этнокультурным особенностям. Что касается перспектив дальнейшего исследования, то огромный потенциал в данной связи мы усматриваем в разработке синергетической идеи *интердискурсивности*, требующей обращения к социальным и психологическим категориям в их синергетическом взаимодействии с категориями языка.

Список литературы

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке / В. С. Автономов. – СПб. : Экон. шк., 1997. – 232 с. – Сер. «Этическая экономика: исследования по этике, культуре и философии хозяйства». – Вып. 2.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
3. Ахиезер А. С. Миграция в российской истории / А. С. Ахиезер // Политика. – 2004. – № 4. – С. 69–76.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 65–73.
5. Кропотов С. Л. Проблема «экономического измерения» субъективности в неклассической философии искусства / С. Л. Кропотов. – Екатеринбург : АДД, 2000. – 30 с.
6. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. В. Лутовинова. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 476 с.
7. Пригожин И. Конец определенности / И. Пригожин. – Ижевск : РХД, 2001. – 216 с.
8. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 139 с.
9. Тарасова Е. В. Communication systems in environment: a synergistic view / Е. В. Тарасова // Вісник ХНУ. – № 537: «Комунікативні та когнітивні проблеми дискурсу». – Харків : Константа, 2001. – С. 3–10.
10. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 404 с.
11. Шевяков М. Ю. Понятие «экономический дискурс» как инструмент анализа социокультурных процессов / М. Ю. Шевяков. – Волгоградский гос. ун-т, 2002. – 312 с.
12. Шемякин А. Л. Двухтысячелетие христианства и славянский мир / А. Л. Шемякин // Славянский альманах. – М., 2001. – С. 4–11.
13. Fairclough N. Language and power / N. Fairclough // Longman. – 2001. – 226 p.
14. Fairclough N. Technologisation of discourse / N. Fairclough // C. Caldas-Coulthard & M. Coulthard (eds.). Texts and Practices. – Routledge, 1996. – P. 45–62.